

УДК 93.27: 316.36

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.01

Омельянчук Светлана Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

Российский институт театрального искусства — ГИТИС

Москва, Россия

omelyanchuks@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8161-8552

О ЧЕСТИ И БЕСЧЕСТИИ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция представлений о женской чести в Древней Руси, формах бесчестия и способах защиты женской чести. Историографический анализ проблемы показывает, что в настоящее время она не получила окончательного разрешения ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Понятие чести имело гендерную окраску и по отношению к женщине включало в себя представление о ее целомудренности и непорочности. В языческий период сохранению девушкой целомудрия не придавали какого-либо значения. Добрачный сексуальный опыт не вызывал общественного осуждения и не становился препятствием для вступления девушки в брак. Повредить ее репутации могло пренебрежение, выраженное женихом, отказавшимся от девушки после брачного сговора. На восприятие девичьей чести большое влияние оказало христианство, с принятием которого начинается процесс формирования новых норм морали, основанных на возвышении целомудрия. Представления о чести замужней женщины изменений не претерпели: от нее требовалось соблюдение безусловной верности своему супругу. Самыми распространенными видами бесчестия женщины на Руси были обвинение в распутном поведении, срывание головного убора, нанесение побоев посторонним мужчиной, склонение девушек к близости, изнасилование. В языческий период защита чести женщины осуществлялась ее семьей, с принятием христианства эта обязанность возлагалась на церковь и государство. В зависимости от тяжести ущерба нанесенного чести женщины виновники наказывались штрафами, битьем кнутом, ссылкой, помещением в монастырь. Степень ответственности за бесчестие женщины зависела и от социального статуса пострадавшей.

Ключевые слова: честь, бесчестие, Древняя Русь, целомудрие, верность, брак, семья, оскорбление, изнасилование.

Omelyanchuk Svetlana V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Russian Institute of Theatre Arts (GITIS)

Moscow, Russia

omelyanchuks@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8161-8552

**ON THE HONOR AND DISHONOR OF A WOMAN
IN ANCIENT RUSSIA**

Abstract. The article discusses the evolution of ideas about women's honor in Ancient Russia, the forms of dishonor and ways to protect women's honor. Historiographic analysis of the problem shows that at present it has not received a final resolution either in domestic or foreign literature. The concept of honor had a gender coloring and, in relation to a woman, included the idea of her chastity and purity. In the pagan period, the preservation of chastity by a girl was not given any importance. Premarital sexual experience did not cause public condemnation and did not become an obstacle for a girl to enter into marriage. Damage to her reputation could be the neglect expressed by the groom, who abandoned the girl after a marriage conspiracy. The perception of maiden honor was greatly influenced by Christianity, with the adoption of which the process of forming new moral norms based on the exaltation of chastity begins. Ideas about the honor of a married woman have not changed. She was required to maintain unconditional fidelity to her husband. The most common types of dishonoring a woman in Russia were accusations of dissolute behavior, tearing off a headdress, beating by an outsider, inducing girls to intimacy, and rape. In the pagan period, the protection of the honor of a woman was carried out by her family, with the adoption of Christianity, this duty was assigned to the church and the state. Depending on the severity of the damage inflicted on the woman's honor, the perpetrators were punished with fines, whipping, exile, and placement in a monastery. The degree of responsibility for dishonoring a woman also depended on the social status of the victim.

Keywords: honor, dishonor, Ancient Russia, chastity, fidelity, marriage, family, insult, rape.

Введение. В любом обществе существуют представления о чести как комплексе морально-нравственных качеств личности, достойных уважения со стороны других людей. Как верно отмечает Н. Л. Пушкарева, честь — это понятие, имеющее ярко выраженную гендерную окраску. Оно, как считает автор, возникает после формирования социального неравенства, поскольку гендерное неравенство исторически было первой формой социальной депривации¹. И в настоящее время «Большой толковый словарь русского языка», рассматривая понятие «честь», дает не только его общее определение, но и то, которое имеет отношение к женщине. Под женской честью в нем подразумевается «целомудрие, непорочность, девственность»².

¹ Пушкарева Н. Позорящие наказания для женщин: истоки и последствия гендерной асимметрии в русском традиционном и писаном праве // Бытовое насилие в истории российской повседневности (X–XXI вв.): коллективная монография / общ. ред и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкаревой. СПб., 2012. С. 12.

² Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 1477.

В отечественной историографии заявленной проблемы можно выделить три периода: дореволюционный, советский и современный. В дореволюционный период внимание исследователей было обращено на изучение положения девушки и замужней женщины в семье и обществе как в языческий, так и христианский период³, а также правовой аспект защиты личности и имущества древнерусской женщины⁴.

В советской историографии историки очень редко затрагивали вопросы женской чести и делали это либо в рамках рассмотрения правового регулирования брачно-семейных отношений⁵, либо изучения семьи и брака в целом⁶. Первым исследованием, в котором были рассмотрены отдельные аспекты, касающиеся чести представительниц разных сословий древнерусского общества, стал труд Б. А. Романова⁷. Однако и в этой работе раскрытие проблемы женской части не выделялось из контекста изучения семьи, а основное внимание было уделено правовому аспекту вопроса.

В современной отечественной историографии проблемы женской чести и бесчестия рассматриваются в основном в рамках истории повседневности. Прежде всего хотелось бы выделить исследование Н. Л. Пушкаревой, в котором раскрывается положение женщины в древнерусском обществе и семье⁸. Отдельные вопросы женской чести и бесчестия затронуты в другой работе автора, посвященной практике позорящих наказаний для женщины в древнерусском традиционном и писаном праве⁹. Отражению взглядов на честь и бесчестие в русской литературе XI–XVII вв. посвящен труд Л. А. Черной¹⁰. В нем она рассматривает представление о чести в разных ее вариантах (князя, дружины, рода и т. д.), лишь вскользь затрагивая женскую честь. В рамках истории права затрагиваются вопросы борьбы церкви и государства с нарушением личных и имущественных прав женщин в Древней Руси¹¹.

В зарубежной историографии вопросы женской чести, изучаемые в контексте соблюдения нравственных норм поведения языческого и христианского общества, отражены в работе чешского слависта Л. Нидерле¹². Американские

³ Шульгин В. О. О состоянии женщины в России до Петра Великого. Киев, 1850; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях. СПб., 1860; Дубакин Д. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». СПб., 1880.

⁴ Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1894.

⁵ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

⁶ Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 216–219.

⁷ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.; Л., 1966.

⁸ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

⁹ Пушкарева Н. Позорящие наказания для женщин... С. 11–51.

¹⁰ Черная Л. А. «Честь»: представление о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества / отв. ред. А. С. Демин. М., 1991. С. 56–84.

¹¹ Момотов В. В. Формирование семьи и брака в русском средневековом праве IX–XIV вв. Ростов-на-Дону, 1999; Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006.

¹² Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000.

исследовательницы Е. Левина и Н. Коллманн рассматривают женскую честь через призму сексуальных отношений в древнерусском обществе, уделяя особое внимание такому виду бесчестия, как покушение на половую неприкосновенность женщины¹³.

Ход и результаты исследования. Несмотря на то что ряд историков XIX в. утверждали, что славяне в языческий период окружали «высокими атрибутами девическую непорочность», придавали ей «священное» значение¹⁴ и требовали от невест доказательства их девственности¹⁵, есть основание предполагать, что подобное представление о женской чести не было свойственно древнерусскому обществу в дохристианский период.

Например, арабские источники сообщают нам о том, что незамужние славянки вели свободный образ жизни. Как пишет Казвини, «девицы у славян ходили с непокрытой головой, так что всякий мог их видеть. Кто чувствовал склонность к какой-либо из них, тот бросал ей покрывало на голову, и она становилась его женой без всякого прекословия»¹⁶. А, по словам Аль-Бекри, если славянская девушка «кого полюбит, то она к нему отправляется и у него удовлетворяет свою страсть». Более того, сохранение девственности воспринималось как серьезный порок. Если, сказано в известиях Аль-Бекри, после свадьбы мужчина «найдет свою жену девственной», он «прогоняет ее и отрекается от нее» со словами «если бы было у тебя что-нибудь хорошее, то мужчины полюбили бы тебя и ты избрала бы себе кого-нибудь, который бы тебя лишил невинности...»¹⁷.

О существовании практики свободного общения между полами, особенно в дни языческих праздников, свидетельствуют и отечественные источники. Так, «Летописец Переяславля-Суздальского», описывая нравы восточнославянских племен древлян, родимичей, вятичей и северян, сообщает о «игрищах меж сел», сопровождавшихся «плясаниями», на которых «познаваху котораа жена или девица до младых похотение имать, и от очного взорения, и от обнажения мышца и от пръсть ручныхъ показаниа, и от пръстней даралаганиа на пръсты чужая, тажъ потомъ целованиа с лобзаниемъ и плоти съ срдцемъ ражегшися слагахоуся, иныхъ поимающе, другихъ поругавше, метааху на насмеание до смерти»¹⁸.

¹³ Левина Е. Секс и общество в мире православных славян 900–1700 гг. // «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.): сб. ст. / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М., 1999. С. 239–491; Коллманн Н. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.

¹⁴ Шульгин В. Указ соч. С. 40; Дубакин Д. Указ соч. С. 76–77.

¹⁵ Карамзин М. Н. История государства Российского: в 12 т. / Академия наук СССР. Т. 1. М., 1989. С. 65.

¹⁶ Сказания иностранцев о быте и нравах славян: Рассуждение Викентия Макушева. СПб., 1861. С. 140–141.

¹⁷ Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах: статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена. Ч. 1. СПб., 1878. С. 56. (Приложение к XXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук № 2).

¹⁸ Летописец Переяславля-Суздальского. Составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 годов) / издан К. М. Оболенским. М., 1851. С. 3–4.

Значительный ущерб чести девушке в языческий период могло нанести пренебрежение, выраженное женихом, отказавшимся от нее после брачного сговора, сопровождавшегося обрядом разрезания сыра («про девку сыр крайвши»). Учитывая, что подобное событие могло стать серьезной помехой для ее замужества в будущем, в Пространную редакцию Церковного устава князя Ярослава вошел дохристианский правовой обычай, обязывавший жениха, оставившего невесту после сговора о браке не только понести церковное («митрополиту 6 гривен») и светское («князь казнить») наказания, но и возместить деньги, потраченные на организацию праздника («что потеряно, тое заплатити»), а также компенсировать ущерб нанесенный чести девушки: «за сором еи 3 гривны»¹⁹.

По мнению американской исследовательницы Е. Левиной, этот языческий ритуал ставил девушку в двусмысленное положение, так как разрезание сыра женихом служило оскорбительным намеком на то, что невеста не сохранила девственность, а это подрывало ее репутацию. Необходимость компенсировать затраты на организацию сговора автор объясняет тем, что православные христиане не употребляли продукты, использованные для совершения языческого обряда, поэтому жених должен был возместить деньги, потраченные на испорченный сыр²⁰.

Однако, на наш взгляд, подобная интерпретация этой статьи Церковного устава князя Ярослава не совсем корректна. Она, с одной стороны, не объясняет, зачем девушке нужно было для сговора покупать сыр, который мог быть использован в порочащем ее честь обряде. А с другой, как было указано выше, — в языческий период сохранялось свободное общение полов и добрачный сексуальный опыт вряд ли мог ее скомпрометировать. По всей видимости, подобного рода отказ от заключения брака со стороны жениха заставлял окружающих думать, что у несостоявшейся невесты есть какой-то скрытый дефект, не различимый с первого взгляда и препятствующий рождению здорового потомства или участию женщины в хозяйственной жизни семьи. Именно такого рода подозрения, скорее всего, могли поставить крест на брачных перспективах девушки.

Вольности в общении с противоположным полом, позволительные для девушки, были категорически неприемлемы для замужней женщины. В языческий период от жены требовалось безусловное сохранение верности своему супругу, о чем свидетельствуют многочисленные иностранные источники. Например, арабский писатель Аль-Бекри, описывавший свободные нравы славянских девушек, пишет, что «женщины из (славян), когда выйдут замуж, не прелюбодействуют»²¹. А византийский император Маврикий в своем «Стратегиконе» обращает внимание на то, что «скромность славянских женщин

¹⁹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 191.

²⁰ Левина Е. Указ. соч. С. 361–362.

²¹ Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. С. 56.

превышает всякую человеческую природу»²². И даже немецкий епископ Бонифаций, относившийся к славянам с большим предубеждением, характеризуя их как «народ мерзкий и самый дурной», вынужден был признать, что в браке они соблюдают верность и супружескую любовь²³.

Однако, несмотря на столь лестные характеристики славянских женщин, по всей видимости, бывали случаи, когда они совершали поступки, противоречащие представлениям о чести. Так, в одной из самых древних русских былин «Святогор и Илья Муромец» рассказывается о том, как во время сна Святогора его красавица жена встретила в чистом поле Илью Муромца и потребовала от богатыря «сотворить» с нею любовь, а в случае отказа грозила разбудить мужа и сказать ему, что Илья насильно ее «в грех ввел». И пришлось Муромцу, как говорит былина, сделать «дело повеленное»²⁴. В былине «Чурила Пленкович и Катерина» Чурила «похаживает» к молодой жене Пермьты Ивановича. И тот застаёт Чурилу в тесовой кровати своей супруги²⁵. Запятнав свою честь, изменница жена бесчестила и своего супруга. За такой проступок в языческий период оскорбленный муж мог убить и жену, и ее любовника. Святогор, обнаружив у себя в кармане Илью Муромца, долго выспрашивал у Ильи, кто он такой и как «попал к нему в глубок карман». А после того как «Илья ему сказал все по правде и по истине», Святогор жену свою богатырскую убил, а с Ильей поменялся крестами и назвал меньшим братом²⁶. Ситуация с Чурилой Пленковичем была настолько однозначной, что заставший любовников Пермьта Иванович убивает сначала Чурилу, а потом и неверную жену²⁷.

После принятия христианства в древнерусском обществе начинается процесс формирования новых норм морали, основанных на возвеличивании целомудрия. «Много убо наипаче почтено есть девство...» — указывалось в грамоте константинопольского патриарха Луки Хрисоверга великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому²⁸. Сохранение девушкой непорочности до брака с христианской точки зрения составляло не только ее личную честь, но и честь семьи: «Дщери ли имаши, то положи на них грозу свою, да соблюдеши я в телесных и не усрамится лице твое, аще бес порока отдаси дщерь свою, и среди собора похвалишися о ней» — говорилось в «Слове к родителем о наказании-научении детей» Иоанна Златоуста²⁹. Именно на родителей возлагалась обязанность воспитать дочь в соответствии с правилами благочестия. Древнерусские поучения настойчиво рекомендуют во избежание всяких

²² Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древней истории. 1941. № 1 (14). С. 253.

²³ Сказание иностранцев о быте и нравах славян. С. 141.

²⁴ Былины / сост. В. И. Калугин. М.: Современник, 1991. С. 53.

²⁵ Свод русского фольклора: в 25 т. Т. 1. Былины. М., 2001. С. 640–641.

²⁶ Былины. С. 53.

²⁷ Свод русского фольклора. С. 642.

²⁸ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1: (Памятники XI–XV в.). СПб., 1880. Стб. 70–71. (Русская историческая библиотека; 6).

²⁹ Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. 3. СПб., 1897. С. 126.

соблазнов держать дочь в строгости. «Лучше есть кому имети козу во дворе, нежели дочь велику не в грозе. Коза бо по улицам ходит — млеко в дом приносит, а велия (большая, взрослая) дочь если начнет часто из дому исходити, то велий срам и бесчестье отцу и матери, и всему роду принесет» — написано в «Книге о злонравных женах»³⁰. С целью сохранения девичьей чести дочери родители или замещающие их родственники, особенно в состоятельных и знатных семьях, прилагали усилия, направленные на ограничение свободы незамужней девушки. Вероятно, это и послужило причиной появления поговорки: «Держи денежку в котомочке, а девушку в потемочке»³¹.

О том, насколько большое значение честное имя девушки приобретает для семьи, свидетельствуют и популярные на Руси былины. Так, в былине «Алеша Попович и сестра Петровицей» братья хвастаются на пиру не золотой казной, не быком кормленным, не конем езжалым, а безупречной репутацией своей сестры Елены, которую никто не видел «в одной рубашечке, а в одной рубашечке, без поеса, а в единых чулочиках, без чоботов». И когда они узнали о том, что «Олёшенька Попович сын» видел их сестрицу в таком виде, то впали в «кручинушку великую» и так разгневались на сестру, что хотели «рубить да ейну голову». И действительно не сносить бы Елене Петровне головы, если бы Алеша Попович не похитил ее и не обвенчался с ней в Божьей церкви³².

О повышении статуса девственности в глазах общественности свидетельствует появление свадебного ритуала, связанного с демонстрацией признаков целомудрия новобрачной. Раскрывая подробности русского свадебного обряда XVI–XVII вв., Н. И. Костомаров пишет, что на следующий день после бракосочетания жена в сопровождении свахи и свекрови шла в баню, где на рубашке демонстрировала признаки своего целомудренного поведения. Если же новобрачная не сохранила невинность, ее родителей ожидал позорящий ритуал, в ходе которого отец мужа подавал им проверченный снизу кубок, наполненный вином, заткнув отверстие пальцем. Когда сват брал кубок, отец жениха отнимал палец и вино проливалось на одежду. Сопровождался этот ритуал насмешками со стороны гостей³³. Кроме того, далеко не каждый муж был готов сразу после свадьбы выносить сор из избы и оповещать родственников и знакомых о том, что «невеста пришла за него замуж девства своего не сохранила». Поэтому, как пишет Г. Котшихин, чаще всего разочарованный жених отцу и матери ее «за то пенял потиху»,

³⁰ *Забелин И. Е.* Женщина по понятиям старинных книжников: «Книга о злонравных женах, зело потребна, а женам досадна» // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. / изд. подгот. Н. Л. Пушкарева, Л. В. Бессмертных. Кн. 1. М., 2004. С. 263.

³¹ *Буслаев О.* Русские пословицы и поговорки (Дополнения к изданию И. Снегирева: «Русские народные пословицы и притчи». Москва, 1848 года) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Книги второй половина вторая. М., 1854. С. 93.

³² Былины. С. 343–347.

³³ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 171–172.

но и к «царю челом ударить» с женой не ехал, потому как «царю до его приезде объявят, и он его к себе на очи пустить не велит»³⁴.

Но, невзирая на всю строгость христианских поучений, удержать девушку, особенно из простого сословия, и оградить ее целомудрие от испытаний, связанных с сохранением языческих пережитков, было очень сложно. И после принятия христианства языческие праздники отмечались с широким размахом и с сохранением их оргиастической составляющей. В конце XIII в. митрополит Кирилл писал в своей грамоте, что «в субботу вечер собираются в купь мужи и жены, и играют и пляшут и бестудно, и скверну деют в ночь святого въскресения, яко Дионусов праздник празднують, вкупе мужи и жены, яко и кони вискають и ржут и скверну деют»³⁵. Эти пережитки древних языческих празднеств и связанных с ними обрядов сохранялись и в XV в. Составители Стоглава с возмущением пишут, что на Троицу (языческие Русалии), Иванов день, Рождество Христово и другие религиозные праздники «сходятся мужи и жены и девицы на ночное плещевание и на безчинный говор и на бесовские песни и на плясания и на скакания и на богомерзкие дела, и бывает отроком осквернение и девам растление»³⁶.

Утрата невинности девушкой, которая могла стать закономерным итогом ее участия в традиционных гуляниях, не служила препятствием к заключению брака. Исключение составляли только представители духовенства. Их жены обязаны были до свадьбы сохранять девственность. Митрополит Киевский Георгий в своем сочинении «Стязанье с латиною» писал по этому поводу: «Подьяконы и дяконы и попы ставити, законным браком первым поемашая жены девами...»³⁷. На вопрос священника Кирика, что делать дяку, если окажется, что его супруга «есть не девка», митрополит новгородский Нифонт отвечал однозначно: «Поустивъше...», т. е. развестись³⁸.

Внедрив жесткие представления о необходимости сохранения девственности у жен клириков, церковь продолжала бороться и за распространение этого положения среди мирян. Как свидетельствуют древнерусские епитимийники, один из самых распространенных вопросов, задаваемых священником женщине во время исповеди, был направлен на выяснение того, соблюла ли она свою девичью честь до брака или нет: «Или в девстве блуд творила еси»³⁹. И если на исповеди перед венчанием невеста признавалась в том, что «погоубле девство», на нее налагалась годичная епитимия («год за се опитемы») ⁴⁰.

³⁴ Котошихин Г. О. России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 173.

³⁵ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1. Стб. 100.

³⁶ Стоглав. Казань, 1862. С. 188–189.

³⁷ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования: Труд В. Н. Бенешевича: в 2 т. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР, Болг. акад. наук. Ин-т истории. Т. 2. София, 1987. С. 277.

³⁸ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1. Стб. 46.

³⁹ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям. Т. 3. Приложения. Одесса, 1894. С. 163.

⁴⁰ Смирнов С. И. Древне-русский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 68.

Если просто утрата невинности девушкой влекла за собой только наложение епитимии, то неупорядоченная половая жизнь незамужней девицы («Аще же девка блядеть») или рождение ею внебрачного ребенка («или детья добудеть у отца, у матери»), как свидетельствует ст. 5 Пространной редакции Церковного устава князя Ярослава, могли привести к помещению виновной в монастырь («обличивше, пояти ю в дом церковный»)⁴¹. А это становилось непреодолимым препятствием для вступления в брак.

После принятия христианства, по мнению Н. Л. Пушкаревой, верность становится неотъемлемой частью представления о чести замужней женщины и превращается в одно из структурообразующих понятий ментальности⁴².

Церковь, стоявшая на страже христианских представлений о семье и браке, активно боролась против супружеской неверности. Церковный устав князя Ярослава признавал супружескую измену женщины достаточным поводом для развода: «Оже муж застанеть свою жену с любодеем или учинить на ню послухы и исправу, разлучити»⁴³. Эта же позиция отражена и в более позднем документе «А се есть правосудие митрополичие», в котором указано: «застанет мужь жену свою с чюжим мужем, а учинит исправу на нее, разлучити их»⁴⁴. В 1683 г. заплечных дел мастер Василий Кычкин подал челобитную о расторжении его брака («а я де впредь ей не мужь и она де мне не жена») с женой Анницей по причине того, что она изменяла ему с казаком «Офонкою Антоновым». Эта просьба была удовлетворена митрополитом Сибирским и Тобольским Павлом⁴⁵. На практике церковные постановления, дававшие мужу право расторгнуть брак с изменщицей, не обязывали его делать это. В указанном случае взаимная неприязнь супругов достигла такой высокой степени, что церковные власти предпочли расторгнуть брак, «чтоб у них меж себя убийства и никакого дурна не было»⁴⁶. Только священнослужители обязаны были развестись с женами, допустившими измену, в противном случае они утрачивали свой сан. На вопрос священника Кирика: «А оже от попа или от дьякона попадья сътворить прелюбы?» — новгородский епископ Нифонт отвечал: «А поустивь ю, рече, държати свой сань»⁴⁷.

Супружеская измена могла быть достаточным основанием для пострижения неверной жены в монастырь. Статья 10 Пространной редакции Церковного устава князя Ярослава предусматривала, что в случае, если «пойдет жена от своего мужа за иньи муж или иметь блясти от мужа, ту жену понятии в дом церковный»⁴⁸. И, как указывает Олеарий, мужья часто злоупотребляли этой

⁴¹ Российское законодательство X–XX веков. С. 190.

⁴² Пушкарева Н. Позорящие наказания для женщин... С. 17.

⁴³ Российское законодательство X–XX веков. С. 192.

⁴⁴ Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства: XIV–XV вв. М., 1955. С. 426.

⁴⁵ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 2. СПб., 1864. Стб. 641–642.

⁴⁶ Там же. Стб. 642.

⁴⁷ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1. Стб. 46.

⁴⁸ Российское законодательство X–XX веков. С. 190.

возможностью расторгнуть брак, нанимая за деньги негодяев, которые свидетельствовали в суде против их жен, указывая, что застали ее «при блуде»⁴⁹.

Духовенство указывало на то, что бесчестное поведение замужней женщины могло стать препятствием к спасению ее души. Агиографическое произведение «Хождение Богородицы по мукам» рисует яркую картину тех страданий, которые ждут неверных жен в преисподней: «И виде святая реку огненную, и видение реки тоя яко кровь тякущи, и пояда всю землю, и посреде волны тоя множество грешник. И видевшая Богородица прослезися и рече: “Что есть согрешение их?”. Рече архистратиг: “То суть блудницы и любодеицы...”»⁵⁰. Но знакомство с подобного рода произведениями было доступно только небольшому числу образованных женщин, принадлежавших к высшим слоям древнерусского общества. Большинство же жен духовные последствия своего дурного поведения могли осознать только во время исповеди. Один из самых распространенных вопросов, задаваемых священником своим прихожанкам, был связан с соблюдением супружеской верности: «Или от мужа соблудила», «А от своего мужа блуд сътворила»⁵¹. В зависимости от обстоятельств, при которых могла произойти супружеская измена, на женщину налагалась суровая епитимия на срок от трех до восьми лет⁵².

В XVII в. в отношении нарушителей семейной чести широко применяются методы физического наказания. Так, Г. Котошихин пишет, что людей, которые «воруют с чужими женами и з девками... обоих и мужика, и женку... вода по торгом и по улицам вместе нагих бьют кнутом»⁵³. О том, что замужних женщин за прелюбодеяния наказывали кнутом, упоминает и Олеарий⁵⁴. Слова указанных авторов подтверждает актовый материал: неверная жена уже упомянутого ранее заплочных дел мастера Василия, Кычкина Анница, была бита кнутом, такому же наказанию подвергся и казак Офонка Онтонов, «в блудном деле» с которым Анница была замешана⁵⁵.

Под бесчестием женщины на Руси подразумевалось обвинение ее в нецеломудренном поведении, прелюбодеянии или покушение на ее половую неприкосновенность.

Самым распространенным оскорблением в адрес женщины было называние ее «блядию». Как пишет М. М. Абрашкевич, это понятие подразумевало не единичную связь, а многократные внебрачные половые контакты или постоянное сожитительство⁵⁶. Подобное обвинение бесчестило не только женщину, но и ее отца, мужа, всю семью, которую она представляла.

⁴⁹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 221.

⁵⁰ Памятники литературы Древней Руси. Вып. 2: XII в. М., 1980. С. 174.

⁵¹ *Алмазов А.* Указ. соч. С. 160, 163.

⁵² Там же. С. 160, 163; *Смирнов С. И.* Указ. соч. С. 151, 242.

⁵³ *Котошихин Г. О.* Указ. соч. С. 131.

⁵⁴ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 220.

⁵⁵ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Стб. 642.

⁵⁶ *Абрашкевич М. М.* Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права: историко-догматическое исследование. Одесса, 1904. С. 498.

В языческий период защита женщины обеспечивалась силами ее родни. Это явление в какой-то степени сохранялось и в позднейшие периоды. Об этом может свидетельствовать, например, новгородская грамота № 531, датируемая XII–XIII вв. В ней некая Анна вместе с дочерью в отсутствие мужа Федора распорядились деньгами Коснятина, чем вызвали гнев обоих мужчин. Коснятин обозвал Анну «коровою», ее дочь «блядью», а Федор выгнал жену из дома и даже хотел убить. В сложившейся ситуации единственным человеком, который мог бы вступить за женщин, был брат Анны Климьята, к которому она обращается с просьбой защитить ее честь и честь ее дочери перед Коснятином («Господин брат позаботься о моем деле перед Коснятином»)⁵⁷.

С принятием христианства обвинение в несоблюдении целомудренности, брошенное в адрес девушки, могло стать препятствием для ее вступления в брак. В случае же, если женщина была замужем, — привести к семейным разногласиям, скандалам и даже расторжению супружества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «урекание» (бранное, клеветническое оскорбление) в распутном поведении Церковный устав князя Владимира отнес к компетенции церковного суда, как и другие вопросы, связанные с регулированием брачно-семейных отношений⁵⁸.

Чем глубже христианство входило в сознание русского человека, тем большее внимание уделялось незапятнанной репутации девушки. Наверное, поэтому в Судебнике 1589 г. среди других категорий населения, подвергшихся бесчестию, отдельно выделяется «девица». В указанном документе она, с одной стороны, приравнена к представителям клира — «игумену, чернцу и чернице», а с другой — к наименее защищенным представителям общества — «вдове... и нищему человеку». Степень ответственности за бесчестие девушки определял «святитель»⁵⁹. Уже в XVII в. Соборное уложение поставило девичью честь под защиту государства. В соответствии со статьей 99, если кто «обезчестит непригожим словом чью... дочь девку», то он независимо от чина оскорбленной обязан был «по суду и по сыску» выплатить за бесчестье «дочери девке» штраф в четыре раза больше оклада или бесчестья ее отца («против отцова оклада в четверо»)⁶⁰. Защищалась честь девушки и от наветов со стороны несостоявшихся женихов. Г. О. Котошихин пишет, что если жених, удостоенный чести видеть свою невесту на смотринах, впоследствии отказывался от нее и начинал ее «хулить и поносить худыми и позорными словами», отбивая других женихов, то по жалобе родителей обиженной девушки патриарх или власти принимали решение «женити его на ней силою», а если

⁵⁷ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 г.). М., 1978. С. 133.

⁵⁸ Российское законодательство X–XX веков. С. 251.

⁵⁹ Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства, XV–XVII вв. М., 1956. С. 420.

⁶⁰ Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1957. С. 92.

он уже вступил в брак, то заплатить за бесчестье («на немъ той невесте возмутъ бесчестье, по указу»)⁶¹.

Оскорбление, нанесенное замужней женщине, в особенности обвинение в распутном поведении, затрагивало не только ее честь, но честь ее мужа, поэтому церковь брала честное имя женщины под свою защиту, наказывая обидчика значительными штрафами в пользу семьи пострадавшей и митрополита. При определении суммы взыскания учитывалось социальное положение оскорбленной. В соответствии со статьей 30 Пространной редакции Церковного устава князя Ярослава «аще кто зоветь чюжую жену блядию, а будеть боярская жена великих бояр, за сором 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота, а князь казнить; а будеть меньших бояр — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; оже будеть городских людей — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; селенце — 60 резан, а митрополиту 3 гривны»⁶². Обращает на себя внимание тот факт, что в случае нанесения оскорбления боярской жене законодатель предусматривал не только самый высокий штраф, но и наказание со стороны светских властей («князь казнить»).

Практика дифференцированного наказания за бесчестье в зависимости от социального статуса была закреплена в русском законодательстве и в дальнейшем. При этом Судебник 1550 г. устанавливает сумму взыскания за бесчестье женщины в два раза выше, чем сумму штрафа, назначаемого за оскорбление мужчины: «А безчестие детем боярским, за которыми кормленья, указати против доходу, что на том кормленье доходу по книгам, а жене его безчестья вдвое против того доходу. А которые дети боярские емлют денежное жалованье, и сколко которой жалованья имал, то ему и безчестье, а жене его вдвое против его жалованья. А дьяком полатным и дворцовым безчестье что царь и великий князь укажет, а женам их вдвое против их безчестья. А гостем болшим безчестья пятьдесят рублей, а женам их вдвое против их безчестья. А торговым людем и посадцким людем и всем середним безчестья пять рублей, а женам их безчестья против их безчестья вдвое. А боярскому человеку доброму безчестья пять рублей, опричь тиунов и доivotчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или доivotчику и праведчику безчестья против его доходу, а женам их вдвое. А крестьянину пашенному и непашенному безчестья рубль, а жене его безчестья два рубля. А боярскому человеку молодчому или черному городцкому человеку молодчому безчестья рубль же, а женам их безчестья вдвое»⁶³. Указанная статья нашла свое отражение и развитие в более поздних памятниках русского права, таких как Судебник 1589 года, Сводный судебник 1606–1607 годов, а также в Соборном уложении 1649 г.⁶⁴

Под нарушением половой неприкосновенности подразумевались любые действия насильственного характера, направленные против женщины и наносящие ущерб ее чести. К ним можно отнести прилюдное срывание головного

⁶¹ Котошихин Г. О. Указ. соч. С. 177–178.

⁶² Российское законодательство X–XX веков. С. 191.

⁶³ Памятники русского права. Вып. 4. С. 238–239.

⁶⁴ Там же. С. 419–421, 500; Памятники русского права. Вып. 6. С. 92.

убора («оже съгренеть чюжее жене повои с головы или дщъри, явится просто-волоса») или нанесение побоев чужой жене («Аще который муж бьет чюжою жену»). В обоих случаях пострадавшим выплачивалась денежная компенсация «за сором»⁶⁵.

Склонение девушки к близости или изнасилование считались наиболее тяжкими преступлениями против ее чести. Законодательство строго относилось к растлителям девиц, особенно не достигших 13 лет. По всей видимости, это связано с тем, что в столь юном возрасте девочки не отдавали полный отчет в своих действиях, поэтому основной грех ложился именно на мужчину. Византийские правовые памятники приговаривали такого преступника к отрезанию носа и передаче половины его имущества пострадавшей⁶⁶. Древнерусское церковное законодательство в этом отношении было намного мягче. «Правило “Аще двоженец”» в случае «Аще кто девицу растлит преже возраста 13 лет» рекомендует скрепить их связь браком и тогда «аще же поиметь ю, нет греха». Если же виновник раскаивается в содеянном, но от брака отказывается — наложить на него епитимию сроком на три года. Ну а в случае, когда растлитель «не кается ни поимаеть ея», отнять у него половину имущества в пользу обещанной девицы («отяти пол имения и дати девици тои за срам») ⁶⁷. Кроме того, блудивший с девицей, независимо от ее возраста, в будущем уже не мог претендовать на священнический сан. На вопрос Кирика: «А оже девкою растлить и паки ся оженить иною, достоить ли поставити» — митрополит Нифонт отвечал: «Чистоу быти и ономоу и оной»⁶⁸.

К XVII в. вопросы, связанные с растлением девиц, начинают рассматриваться и светской властью. Чаще всего подобного рода преступников наказывали ссылкой. Однако строгость наказания могла зависеть от социального статуса обещанной девицы. Так, боярский сын Дмитрий Рахманинов за растление дворовой девки Устюшки был сначала приговорен к ссылке, но впоследствии приговор был значительно смягчен, и Дмитрий был отправлен на службу в полк⁶⁹.

Наверное, самым вопиющим случаем попытки изнасилования, нашедшим отражение в Софийской первой летописи, стало событие, произошедшее в Торжке в 1406 г., когда князь Юрий Святославич Смоленский «уязвися окаянным своим хотением» на супругу князя Семена Мстиславовича Вяземского Ульяну. Но когда князь Юрий Смоленский попытался взять Ульяну силой,

⁶⁵ Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси, XII–XV вв. М., 1953. С. 126; Российское законодательство X–XX веков. С. 191.

⁶⁶ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. С. 71; «Книги законныя» содержащие в себе, в древне-русском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные / издал вместе с греческими подлинниками и с историко-юридическим введением А. Павлов. СПб., 1885. С. 74.

⁶⁷ Смирнов С. И. Указ. соч. С. 66.

⁶⁸ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1. Стб. 46.

⁶⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 2: 1827 г. СПб., 1830. С. 672.

она «иземши нож удари его в мышцу на ложи его». Как свидетельствует летопись, гнев князя был страшен: сначала он приказал убить князя Семена Вяземского («он же възъярився вскоре сам князя ея уби»), а потом жестоко расправится с Уляной («а самой руки и ноги повеле отсеци и воверичи в реку»). Этим поступком, указывает летописец, Юрий Святославич обесчестил себя («бысть ему в грех и в студ великий»), и осознав это, бежал в Орду: «и сбежа к орде, не терпя горкаго своего безверемья и безчестия»⁷⁰.

Учитывая всю тяжесть этого преступления, вопросы, связанные с изнасилованием, подлежали двойной юрисдикции — церковной и светской. Уже Церковный устав князя Ярослава предусматривает введение высоких штрафов за этот вид преступления и дифференциацию наказания в зависимости от социального статуса обесчещенной: «Аще кто пошибает боярскую дочь или боярскую жену, за сором еи 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр — гривна золота, а митрополиту — гривна золота; нарочитых людей — два рубля, митрополиту два рубля; простые чади — 12 гривен кун, а митрополиту 12 гривен, а князь казнитель»⁷¹. Кроме того, церковь предусматривала необходимость женитьбы насильника на обесчещенной им девице в случае, если она была обручена, независимо от ее имущественного статуса: «Аще кто девицу обручену ноужю иметь не лет же емоу иноа пояти но тоу имети женоу, аще и нища есть»⁷².

Иностранцы за совершение подобного рода преступления подлежали только княжеской юрисдикции. В старейшем из дошедших до нас договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами конца XII в. указывалось, что в случае если иноземец «пошибает мужеску жену любо дчьрь», то выплачивает князю штраф «40 гривен ветхыми кунами» и компенсирует бесчестье пострадавшей «жене или мужское дчери 40 гривен ветхыми кунами»⁷³. В XIII в. похожий договор был заключен Смоленском с Ригой и Готским берегом. В соответствии с договором от 1229 г. за «насилъе над волною женою» с безупречной репутацией налагался штраф «5 гривен серебра за сором», который позднее был увеличен вдвое до 10 гривен серебра⁷⁴.

Древнерусское церковное и светское законодательство брало под свою защиту честь не только свободных, но и зависимых женщин. В статье 14 договора Новгорода с Готским берегом говорилось: «Оже кто робу повержетъ насильем, а не соромить то за обиду гривна». Но, если насилие сопровождалось бесчестьем («паки ли соромить») — «роба» получала свободу⁷⁵. В договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом, за «насилъе над робою», устанавливался штраф в размере «гривна серебра за сором»⁷⁶. Церковь могла вмешаться

⁷⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 5. V. VI. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. С. 256.

⁷¹ Российское законодательство X–XX веков. С. 189–190.

⁷² Смирнов С. И. Указ. соч. С. 50.

⁷³ Памятники русского права. Вып. 2. С. 125.

⁷⁴ Там же. С. 62, 75.

⁷⁵ Там же. С. 126.

⁷⁶ Там же. С. 62, 75.

и в частновладельческие отношения, если собственник нарушал церковные запреты на внебрачные связи и принуждал рабынь к сожителству. Так, в случае если «кто с робою своею блуд по ноужи створить», в результате чего родится ребенок, «да свободит робу тоу»⁷⁷.

Со временем наказание за изнасилование становится все более суровым. Преступник обычно приговаривался к ссылке, битью кнутом, выплате компенсации за бесчестье или отправке в монастырь. При этом ответственность за содеянное возлагалась не только на насильника, но и его пособников. Так, в 1687 г., рассмотрев дело о «блудном насиловании» девки Маврутки, «Великие Государи указали и Бояре приговорили», главному виновнику Степану Коробьину «учинить наказанье ж, бить кнут, да на нем же Степане доправить денег пять сот рублей, а доправя отдать девке Маврутке за бесчестье ее на приданое, и послать его Степана под начал в Соловецкой монастырь до указа». Однако позднее наказание Коробьину было смягчено и ссылка в Соловецкий монастырь отменена. Подельники Степана — Сережка Морев, солдатская жена Катеринка — за то, что «умысля воровски» обманом заманили к себе в гости Маврутку, были приговорены к битью кнутом. После чего Сережка Морев с женой и детьми был сослан в «Сибирские города на вечное житье». Катеринку от ссылки спасло то, что она как замужняя женщина на могла быть сослана отдельно от супруга, а мужей «за женино воровство в ссылку не ссылают»⁷⁸.

Ответственность за изнасилование целиком и полностью возлагалась на мужчину. Опираясь на авторитет святого Василия, митрополит Иоанн в своих канонических ответах (конец XI в.) настаивал на том, что женщины «нужею бывающая тли неповинни бывають»⁷⁹. Это же правило нашло свое подтверждение и в XV–XVI вв.: «А иже в рати жены осквернены или понасилены от кого, тако же и девица, аще по ноужи осквернены, за то им опитемыи нет»⁸⁰.

Заключение. Таким образом, понятие женской чести с древнейших времен включало в себя суждение о целомудренности и непорочности. В языческий период общество не требовало от девушки сохранения девственности до брака. Ущерб девичьей чести мог нанести отказ жениха от женитьбы после процедуры сговора, свидетельствующий о наличии у девицы каких-либо серьезных изъянов. С принятием христианства на Руси начинается процесс формирования новых норм морали, восхваляющих целомудрие. Однако в связи с сохранением многочисленных языческих пережитков церкви пришлось приложить значительные усилия, чтобы внедрить в сознание древнерусского общества идею необходимости сохранения девушкой невинности до вступления в брак. Представление о чести замужней женщины были одинаковыми как в языческий, так и в христианский период. От женщины требовалось соблюдение безусловной верности своему супругу.

⁷⁷ Смирнов С. И. Указ. соч. С. 48.

⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. С. 906–907.

⁷⁹ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1. Стб. 14–15.

⁸⁰ Смирнов С. И. Указ. соч. С. 91.

Самыми распространенными видами бесчестия женщины на Руси были обвинение в распутном поведении, срывание головного убора, нанесение побоев посторонним мужчиной, склонение девушек к близости и изнасилование. Учитывая, что эти действия могли стать препятствием для вступления в брак незамужней девушки или привести к распаду уже существующую семью, сначала церковь, а потом и государство взяли честь женщины под свою защиту. Клеветники, растлители, насильники должны были выплачивать значительные штрафы за бесчестье, нанесенное девушкам и женщинам. Склонение девушки к близости могло, помимо прочего, закончиться ссылкой для виновного или стать препятствием в будущем для получения им духовного сана. В случае же изнасилования преступник дополнительно приговаривался к битью кнутом и помещению в монастырь. К ответственности привлекались и его сообщники.

Литература

1. Коллманн Н. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / пер. с англ. А. Б. Каменский. М.: Древлехранилище, 2001. 459 с.
2. Левина Е. Секс и общество в мире православных славян 900–1700 / пер. с англ. В. В. Львова // «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.): сб. статей / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М.: Ладомир, 1999. С. 239–491.
3. Момотов В. В. Формирование семьи и брака в русском средневековом праве IX–XIV вв. Ростов-на-Дону: Зерцало, 1999. 280 с.
4. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 272 с.
5. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
6. Пушкарева Н. Позорящие наказания для женщин: истоки и последствия гендерной асимметрии в русском традиционном и писаном праве // Бытовое насилие в истории российской повседневности (X–XXI вв.): коллективная монография / общ. ред. и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкаревой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2012. С. 11–51.
7. Черная Л. А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества / отв. ред. А. С. Демин. М.: Наука, 1991. С. 56–84.

References

1. Kollmann N. Soedinennye chest'iu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni [United by honor. State and society in early modern Russia]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2001. 459 p. (In Russ.).
2. Levina E. Seks i obshchestvo v mire pravoslavnykh slavian 900–1700 [Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs 900–1700] // A se grekhi zlye, smertnye...»: Liubov', erotika i seksual'naia etika v doindustrial'noi Rossii (X – pervaia polovina XIX v.): sb. statej / pod red. N. L. Pushkareva. Moscow: Ladomir, 1999. P. 239–491. (In Russ.).
3. Momotov V. V. Formirovanie sem'i i braka v russkom srednevekovom prave IX–XIV vv. [Formation of the family and marriage in Russian medieval law of the 9th – 14th centuries]. Rostov-na-Donu: Zertsalo, 1999. 280 p. (In Russ.).

4. Nizhnik N. S. Pravovoe regulirovanie semeino-brachnykh otnoshenii v russkoi istorii [Legal regulation of family and marriage relations in Russian history]. St.-Peterburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2006. 272 p. (In Russ.).

5. Pushkareva N. L. Zhenshchiny Drevnei Rusi [Women of Ancient Russia]. Moscow: Mysl', 1989. 286 p. (In Russ.).

6. Pushkareva N. Pozoriashchie nakazaniia dlia zhenshchin: istoki i posledstviia gendernoi asimmetrii v russkom traditsionnom i pisanom prave [Disgraceful punishments for women: the origins and consequences of gender asymmetry in Russian traditional and written law] // Bytovoe nasilie v istorii rossiiskoi povsednevnosti (X–XXI vv.): kollektivnaia monografiia / obshch. red. i sost. M. G. Murav'evoi, N. L. Pushkarevoi. St.-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. P. 11–51. (In Russ.).

7. Chernaia L. A. «Chest'»: predstavlenie o chesti i beschestii v russkoi literature XI–XVII vv. [“Honor”: the idea of honor and dishonor in Russian literature of the XI–XVII centuries] // Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie obshchestva / otv. red. A. S. Demin. Moscow: Nauka, 1991. P. 56–84. (In Russ.).